

18+

Юниор Мирный

НЕПОТЕРЯННЫЙ КРАЙ

Юниор Мирный

Непотерянный край

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70050157

ISBN 9785006091399

Аннотация

В книге прослеживается напряжённая ситуация, сложившаяся в современном мире. Наиболее отчётливо читатель увидит это в финале произведения. С Екатериной Гореловой происходят странные вещи – она никак не может уснуть. Множество ночей без сна приводят к истощению сил. Видя, что с Гореловой творится что-то непонятное, коллеги отстраняются от неё. Пытаясь выяснить, что же с ней происходит, Екатерина узнаёт об одной волнующей вещи. Но она же может оказаться её единственным шансом на спасение...

Непотерянный край

Юниор Мирный

*Сегодня – двадцать третий год,
Пишу роман по счёту третий.
Враждой охваченный народ
Любовь свою когда уж встретит?*

*Как отличить зло от добра?
Рассудок здесь – помощник слабый,
Но сердце нам открыть пора,
Чтоб лжи преодолеть ухабы.*

*А Ты, Которую люблю,
О Ком писал однажды Тютчев,
На подвиг я благословлю,
Ей в этом деле я – попутчик.*

*Да, не понять Тебя умом:
Тебе нужна другая мера.
И обретут в Тебе свой дом
Те, в ком живут любовь и вера.*

Юниор Мирный

Иллюстратор Нейросеть Кандинский

© Юниор Мирный, 2023

ISBN 978-5-0060-9139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

--

Предупреждаю читателя о том,
что в своём авторском тексте
я намеренно употребляю
исключительно приставку «без»,
так как считаю это правильным
для родного языка.

Воскресенье

Настало очередное февральское утро, пролившее солнечный свет на узенькие улочки небольшого российского города. В воскресный день эти улицы, как обычно, пустовали. До начала рабочей недели оставались ещё целые сутки. Этот выходной, в отличие от своего субботнего напарника, словно бы ненавязчиво напоминал о грядущей трудовой неделе... но всё ещё позволял не прибегать к услугам будильника. Поэтому воскресное утро располагало к затяжному сну едва ли не больше субботнего.

Однако Екатерина Горелова снова встречала утро с открытыми глазами. Она не спала уже восьмой месяц. Причину этой напасти девушка не могла выявить до сих пор. Провалиться в сон хотя бы ненадолго ей не помогали ни сно-

творное, ни чтение, ни что-либо другое. Каких-либо событий, глубоко потрясших её душу и – вследствие этого – напроць лишивших её сна, Екатерина *припомнить не могла*. Хотя из-за полугодовой бессонницы её память уже действительно начинала давать сбои...

Не явилась исключением и сегодняшняя ночь. Оставив попытки хотя бы немного вздремнуть, Горелова поднялась с помятой постели. Медленным шагом она подошла к овальному зеркалу, висевшему на стене напротив. Наверху зеркала были прилеплены Катины любимые буквы на липучках. В этот раз из них было сложено какое-то непонятное слово «ЗАЧЕ». Как и когда она это слово складывала, Горелова в данный момент не помнила. Вместо этого девушка принялась рассматривать себя в отражении.

Несмотря на измученный и истощённый вид, она всё ещё была красива, – пусть и выглядела теперь старше своих двадцати девяти. Славянские черты лица; прямой, чуть расширенный книзу нос; довольно большие голубые глаза, длинные белокурые волосы до середины спины; рост примерно метр семьдесят; большой бюст и достаточно широкие для девушки плечи; атлетическое телосложение – как результат многолетних занятий кикбоксингом и походов в тренажёрный зал...

Конечно, теперь эти тренировки – наряду со сном – остались в прошлом. Ресурсов организма теперь хватало лишь на выживание... и на работу, которую Горелова ни за что

не собиралась бросать. Она работала литературным редактором в небольшом книжном издательстве с весьма достойной репутацией. Проблемы, увы, постепенно начинались и там. Однако непосредственный руководитель Кати – Иван Звонимиров – всячески поддерживал девушку, не позволяя ей окончательно пасть духом. Он понимал, что потеря работы для Гореловой – в её нынешней ситуации – станет для неё фатальным ударом. И он снова и снова давал ей шансы проявить себя... Хотя, по правде сказать, Катя никак не могла избавиться от чувства, что и лично Звонимиров был чем-то ею огорчён. По какой-то причине ей всё время казалось, что нечто, произошедшее, предположительно, прошлым летом, коснулось и Ивана тоже...

Впрочем, совсем без отдыха Катя по выходным не оставалась. Её с завидным постоянством навещал – на квартире, которую девушка снимала уже больше полугода, – её любовник. Его звали Дмитрий Свободин. Одного возраста с Гореловой, могучего телосложения атлет, который долгое время профессионально занимался смешанными единоборствами. Ростом метр девяносто, сто с лишним килограммов веса – при огромной рельефной мускулатуре; с красивыми чертами лица и неизменно спокойными серо-зелёными глазами; этот боец, казалось, вошёл в жизнь Екатерины напрямую с обложки журнала (быть может, женского журнала про мужчин – либо мужского о спорте). Как бы там ни было, но с профессиональными боями Дмитрий уже завязал. Теперь он ре-

шил посвятить себя... живописи. Ещё в детстве у Свободина был отмечен талант к рисованию, однако этому занятию он стал посвящать себя лишь на третьем десятке лет. До этого же большую часть времени юного красавца занимали многочисленные девушки, а также его стремление быть физически сильным. И лишь приблизившись к тридцати годам, Дмитрий стал ценить творчество больше, нежели грубую силу, а преданность – больше, чем количество приятных знакомств. И Свободин не мог не чувствовать, что Екатерина, в страстных объятиях которой он в данный момент пребывал, была очень ему предана. И почему-то эта её преданность стала становиться всё сильнее и сильнее именно... с лета минувшего года...

– Спасибо, что ты со мной, – крепко прижимаясь к Дмитрию всем своим телом, прошептала ему на ухо Екатерина. – Ты мне очень нужен...

– И ты мне нужна, – тихо ответил Свободин, нежно целуя девушку в шею. – Ты моя любовь... и моя муза.

– Но ты же не собираешься рисовать меня в таком состоянии? – Катя с надеждой посмотрела Дмитрию в глаза. – Ведь я выгляжу ужасно!

– Не говори так, – Свободин легонько прикоснулся губами к губам девушки. – Для меня ты всегда прекрасна... И я снова взял с собой твой незаконченный портрет.

Лёжа на спине в объятиях своего мужчины, Горелова повернула голову направо и пристально посмотрела в сторо-

ну прихожей, которая виднелась сквозь незапертый дверной проём. На тёмно-коричневом деревянном столике в коридоре лежал плотно свёрнутый ватманский лист, стянутый тоненькой канцелярской резинкой. Левее, на вешалке гардероба, Катя увидела лёгкую тёмно-синюю полиэстеровую куртку Свободина. И она была испачкана в строительной пыли.

– Дима, а почему ты куртку не постираешь? – Горелова удивлённо посмотрела в глаза мужчины.

– Я уже много раз её стирал, – серьёзно ответил Свободин, – но *эта* пыль почему-то не отстирывается. У меня такое впервые в жизни.

– Надо же... – задумчиво произнесла девушка, переводя взгляд с испачканной куртки на безупречное лицо её хозяйки.

– Но ведь эти пятна не омрачат твоей радости от наших встреч? – улыбнулся Дмитрий, пристально глядя в уставшие глаза Екатерины.

– Конечно же нет! – твёрдо сказала Горелова и ещё сильнее прижалась к мужчине своим телом. – Просто меня всегда пробирает азарт, когда я пытаюсь что-либо изменить – и не могу!

– Да ведь ты же у меня женщина-воин! – Свободин ласковым взглядом посмотрел на свою девушку. – Ты не привыкла сдаваться. Впрочем, как и я. Поэтому сейчас, когда мы закончим наше суперприятное занятие, я продолжу тебя

рисовать!

– Ну Дима!.. У меня ведь такой измученный вид!.. – Катя попыталась было воспротивиться, – хотя внутренне уже давно была согласна на всё.

Она не хотела отказывать своему мужчине ни в чём. А он так хотел радовать её своим творчеством!

– Я навсегда *запомню тебя другой*, Катя... – прошептал на ухо девушке Свободин. – Ведь я знаю самые разные стороны тебя... которые я успел изучить за всё это время...

Гореловой от этих слов внезапно стало очень больно. Лишь физическое блаженство сумело хоть как-то отвлечь её внимание от боли, которую ей причинила эта сказанная Свободиным фраза. Окинув комнату беглым взглядом, Катя заметила, что электронные часы, стоявшие на журнальном столике рядом с кроватью, в этот момент показали 19:39. Именно в эту минуту и закончилось их страстное занятие любовью. И после этого Дмитрий – на зависть своей девушке – практически моментально заснул.

Свободин проснулся полчаса спустя и сразу же направился в душ. Всё то время, пока он спал, а затем мылся, Катя просто смотрела в потолок, недвижно лёжа на кровати. Она пыталась понять, почему столь болезненно реагирует на какие-то, казалось бы, совершенно безобидные фразы.

«Почему меня так задевает, когда он говорит, что *запомнит меня другой*? – снова и снова спрашивала саму себя Горелова. – И какие „самые разные“ стороны меня он знает?

Да и разве мы *так уж давно* с ним знакомы?»

Вскоре Свободин вернулся из душа, на ходу вытирая вымытую голову белоснежным хлопковым полотенцем.

– У меня к тебе довольно странный вопрос, – обращаясь к своему мужчине, Катя параллельно любовалась его роскошной рельефной мускулатурой. – Даже, наверное, немного детский вопрос...

– Спрашивай, – без каких-либо эмоций ответил Дмитрий.

– Ты часто говорил, что любишь меня. А ты когда-нибудь любил кого-то сильнее?

– Любил, – категорично – и даже немного жёстко – ответил Свободин.

– А кого? – этот вопрос Кати прозвучал довольно робко. – Я её знаю?

– Знаешь. А все ответы получишь, когда допишешь наконец свой роман. А до тех пор я тебе на эту тему ничего больше не отвечу. В общем, ты готова позировать своему художнику?

– Сейчас... – Горелова медленно приподнялась на кровати. – Мне тоже нужно в душ... Подожди.

– Жду, – ответил Дмитрий, сам в это время направляясь в прихожую за ватманом.

Моясь в душе, Екатерина не переставала думать над вопросами: «Кто она, кого он любит больше, чем меня?»; а также: «Откуда эти несмываемые пятна на его куртке?». И ещё Горелова поняла, что ей ни в коем случае нельзя за-

брасывать работу над своим романом.

Воскресный день постепенно заканчивался, оставив незавершёнными и Катин портрет, который Свободин писал уже не первый месяц, и роман Гореловой, который почти уже был дописан, но никак не мог дожидаться своих завершающих строк.

Дмитрий, собираясь покинуть дом своей девушки, произнёс ещё одну фразу, которая также – странным образом – отозвалась в её сердце болью. Это были слова: «*Катя, мне кажется, мне пора идти...*» И тут же добавил ещё одну, довольно странную, реплику:

– Мы могли бы видеться и чаще.

– Но ведь я и так провожу с тобой каждые выходные!.. – растерялась от подобного заявления Екатерина.

Свободин ничего на это не ответил. Он просто грустновато улыбнулся и направился к лестнице, ведущей со второго этажа, – на котором жила Горелова, – на первый.

– Что ты имел в виду?! – крикнула вдогонку Дмитрию Катя.

– А ты *подумай!* – под аккомпанемент громко топавших по ступенькам ботинок донёсся снизу голос Свободина.

«Странная какая-то претензия с его стороны, – сконфузилась Горелова, закрывая дверь на засов. – Я и так уделяю ему всё своё свободное время! Я же не свободная художница, как он!»

Понедельник

После очередной безсонной ночи настал понедельник. Приведя себя в относительный порядок, Катя принялась собираться на работу. Она надела свои любимые чуть облегчающие тёмно-синие джинсы, утеплённые зимние сапоги, серый шерстяной свитер и коричневую овчинную дублёнку с белым воротником.

Не обласканное лучами солнца февральское небо в очередной раз было хмурым. Пешая дорога до издательства занимала не более четверти часа, и Горелова – в своём плачевном состоянии – предусмотрительно не садилась за руль своей Тойоты Камри. К слову сказать, Катя уже не помнила, где в последний раз припарковала свой автомобиль. Возможно, она сделала это в нескольких кварталах от своей съёмной квартиры. Да и почему-то ей было всё равно, какой именно клочок земли теперь занимало её транспортное средство. Она просто не могла допустить, чтобы из-за её неловкого вождения кто-либо пострадал.

Пройдя по уютному скверу, по которому – наряду с ней – спешило на работу ещё несколько человек, Катя добрела до старого строения, в котором располагалось её издательство. Войдя в здание, Горелова кивком поздоровалась с охранником, прошла через турникет и пешком поднялась на второй этаж. В офисе издательства в этот момент находилось три человека. Одной из них была вчерашняя студентка Алевтина – сотрудница маркетингового отдела издательства. Двадцати трёх лет, невысокая и худощавая; с безпо-

койными карими глазами, которыми она недовольно зыркнула на подошедшую литературную редакторшу. Горелова её и впрямь сильно раздражала, – причём эта неприязнь усиливалась в Але с каждым днём.

Налево у окна, одетый в строгий серый костюм, сидел Анатолий – ведущий редактор. Ростом примерно метр восемьдесят, стройный, с внимательными серо-голубыми глазами; этот неженатый тридцатилетний мужчина был, несомненно, влюблён в Горелову, – однако влюблён безответно. Анатолий немного увлекался эзотерикой, – но лишь на уровне чтения книг и разговоров. Он втайне надеялся, что однажды узнает о жизни нечто такое... что поможет ему добиться большего успеха и в делах, и у женщин... и конкретно у красавицы Екатерины. Горелова и правда очень нравилась Анатолию – даже при всех тех аномалиях, что с ней уже долгое время происходили.

Третьим же (а, по сути, конечно же, номером один) из находившихся на своём рабочем месте был собственник издательства – Иван Звонимиров. Высокий – ростом под метр девяносто; стройный, но с развитой мускулатурой; почти всегда одетый в белый костюм и чёрные лакированные туфли; этот тридцатичетырёхлетний мужчина – не в пример Анатолию – очень нравился самой Екатерине. И вот здесь речь вполне бы могла пойти о взаимности... если бы не оставшее Горелову чувство, что Звонимирову её было попросту жаль. Понимающий и сочувствующий взгляд его серо-зе-

лёных глаз, которым он встретил новоприбывшую Горелову, вновь напомнил девушке об этом. Хотя крылось в этом взгляде и кое-что ещё – то, что Кате не удавалось для себя пока что чётко сформулировать. Это было чем-то средним между осуждением и желанием помочь.

Звонимиров являлся человеком ярким и харизматичным, – однако было в нём и нечто такое, что выделяло его даже из когорты незаурядных личностей. Обычно приметные люди неизменно чем-то *выделялись*, – то есть самим своим естеством они как бы контрастировали со своим окружением. Кто-то отличался энергичностью; кто-то – смелостью и дерзостью; кто-то же, наоборот, своею теплотою и спокойствием; а у кого-то просто было оригинальное чувство юмора. Звонимиров же был примечателен тем, что одним только своим присутствием он словно бы сливал самых разных по натуре людей в некое единое целое. Он вовсе не растворялся в каждом, с кем соприкасался; так же он не был и «хамелеоном», кто ловко приспособливался к любому встречному. Иван просто озарял каждого своего попутчика своим уникальным светом, одновременно позволяя ему и оставаться самим собою, и в то же время меняться... причём меняться неизменно к лучшему. Это и объясняло то, что Звонимирова любили и уважали в коллективе не просто из-за его номинальной роли владельца издательства. Его по-настоящему любили как человека и дерзкая Алевтина, и добродушный Анатолий, и потерянная в последнее время Екатерина.

И, к сожалению Гореловой, она никак не могла вспомнить, когда же именно она познакомилась с Иваном. Возможно, они были знакомы ещё до приёма литературной редакторши на работу...

– Катя, привет! – увидев подошедшую в офис коллегу, Анатолий приподнялся со своего места. – Как себя чувствуешь?

– Спасибо, как обычно... – вешая в гардероб свою дублёнку, ответила Горелова, с трудом сдерживая в это время зевоту.

Алевтина исподлобья посмотрела на Анатолия. Она любила называть его дамским угодником за его извечные знаки внимания к Екатерине.

– Может, тебе кофейку налить? – последовало ещё одно предложение от «угодника».

– Спасибо, я сама... – усаживаясь за свой стол, ответила Катя.

Не сказать, чтобы Горелову сильно напрягала забота Анатолия. Однако большой радости она от неё тоже не испытывала. А вот фраза Звонимирова, сказанная им буквально через полминуты, обрадовала девушку гораздо сильнее:

– Всегда ценил в тебе самостоятельность, Катя. И попытки во всём разобраться самой.

Как-то раз наедине Звонимиров сказал Гореловой следующее: «Бывают вещи, на которые нельзя закрывать глаза. Возможно, теперь твои глаза постоянно открыты для ка-

кой-то особой цели. Ты увидишь то, чего не видела раньше. И, может быть, ты полюбишь это, когда настанет тот самый день».

Истинного смысла этих слов Катя на тот момент не поняла – этому суждено было случиться только в самом конце *всей этой истории*. Однако поддержку со стороны Ивана девушка чувствовала постоянно – и была ему за это бесконечно благодарна.

Когда, намереваясь приступить к работе, Горелова включила свой компьютер, то увидела, что с часами на её устройстве снова было не всё в порядке. Они в очередной раз застыли на цифрах 19:39! Причём происходило это уже далеко не впервые.

«Почему именно это время так запало в память моему компьютеру?» – подумала Катя, как и прежде в таких случаях, поправляя часы вручную.

Первая половина рабочего дня постепенно катилась к своему обеденному завершению. В это время Катя работала над романом о Городе Мечты какого-то малоизвестного писателя. Звонимиров поставил это произведение для неё в приоритет, так как *лично для него оно многое значило*. А отказывать Ивану Екатерина не стала бы, даже если бы и могла.

Редактируя рукопись, Катя параллельно пыталась дозвониться до своей подруги, с которой она обычно ходила на обед. Это была Анна Сердцева, её ровесница, работавшая в школе учительницей русского языка и литературы.

Это учебное заведение отделялось от издательства буквально парой кварталов, поэтому Анна и Екатерина чаще всего обедали вместе. Однако Горелову сильно смущало то, что за последние полгода ей крайне редко удавалось прозвониться на сотовый подруги. Абонент почти всегда находился вне зоны доступа. И на этот раз ситуация повторялась.

Алевтина, сидевшая позади литературной редакторши, смотрела на неё со злостью, пока та безуспешно набирала номер Сердцевой.

– Может, с моего телефона попробуешь? – с деланной вежливостью предложила маркетолог, бывшая уже не в силах наблюдать, как её коллега десятками раз – бесконечно и бесплодно – набирала чей-то номер.

Разумеется, Алевтину раздражал не сам тот факт, что Горелова постоянно пыталась кому-то прозвониться (пусть и по сорок раз за полчаса). Маркетолог прекрасно видела, что уже долгое время с Екатериной было что-то не так.

– Нет, Аль, спасибо, – с простодушной вежливостью поблагодарила девушку Катя, – там всё равно абонент недоступен.

– А я уж думала, что тебя заблокировали, – злобно сверкнула глазами Алевтина. – Видно, ты кому-то очень сильно надоела. Вот я бы на месте того, кому ты названиваешь...

– Ты не на её месте, – без раздражения, но предельно сурово вступился за Катю Звонимиров, – и, дай Бог, никогда на нём не окажешься.

Алевтина тут же замолчала. Невероятная психическая сила, которой веяло от Звонимирова, не оставляла ей иного выбора. Кроме того, хозяин издательства сильно нравился девушке – и как человек, и как мужчина. Но при всей своей симпатии Алевтина также побаивалась Ивана – по причине той самой имманентной силы, исходившей от него...

* * *

«Каждый говорит от имени царства, и все говорят противоположное. Они вправе говорить от имени царства. Пусть у немого великана будет возможность кричать.

Я одобряю это. Я ведь говорил о совершенстве. Прекрасная песня рождается из множества неудачных. Если люди боятся петь, не жди прекрасных песен.

Они противоречат друг другу, потому что нет ещё языка, который был бы в согласии с царством. Не мешай им. Выслушивай всех. Все правы. Но никто из них ещё не поднялся в гору так высоко, чтобы видеть правоту другого».

Сент-Экзюпери А. де. «Цитадель» [11, с. 314]

* * *

В тринадцать часов относительно дружный коллектив разошёлся на обед. Спустившись на крыльцо здания, Екатерина с неописуемой радостью увидела Сердцеву. Подруга

ждала её на покрытом серой плиткой тротуаре. Маленького роста, полненькая, одетая в кожаное зимнее пальтишко светло-коричневого цвета, Анна смотрела на Горелову своими небольшими ореховыми глазками и улыбалась.

– А я звоню тебе, звоню!.. – воскликнула Катя и кинулась обнимать подругу.

В этот момент один из сотрудников организации, располагавшейся этажом выше издательства Звонимирова, проходил мимо девушек – и бросил на Горелову печальный взгляд, а затем покачал головой.

– Да уж, с этими звонками какая-то беда, – сказала Сердцева, когда Катя выпустила её из своих объятий. – Я всё время нахожусь в каком-то пространстве, где нет связи с тобой.

– А как остальные? – поинтересовалась Горелова, когда они зашагали в сторону столовой.

– С остальными у меня вроде нормальная связь... – задумчиво проговорила Анна. – С Серёжей Озеровым и Димой Помысловым – с нашими писателями – частенько разговариваю. С Юрой Успеховым, музыкантом, иногда общаюсь. Связь с ними нормальная.

– А с Димой Свободиним? – серьёзным тоном спросила Катя, посмотрев в сторону подруги, шедшей слева от неё.

– Да, и с ним связывалась недели две назад, – глянув в немного обезпокоенные глаза Гореловой, ответила Сердцева. – Мы с ним хорошо слышим друг друга. А вы с Димой до сих пор встречаетесь?

– Да... Опять все выходные у меня провёл, – впервые со вчерашнего дня в голосе Кати прозвучали радостные нотки.

– Рада за вас, – сдержанно улыбнулась Анна.

Через минуту девушки спустились в цокольный этаж помещения, где располагалась столовая. Оставив верхнюю одежду на напольной металлической вешалке, Горелова уже собиралась пойти за разносом для еды. Но тут она увидела, что её подруга не следует за нею.

– Ты что, Ань, опять есть не будешь? – несколько взволнованно спросила Катя.

– Да, не буду, – подтвердила Сердцева. – Потребности в еде как-то не ощущаю в последнее время. Да и разве я так уж сильно исхудала с тех самых пор?

Анна ласково улыбнулась; Кате же пришлось признать, что её подруга и вправду «почти не изменилась».

Когда Горелова вернулась за столик с тарелкою ухи в руках, Сердцева сказала:

– Да, кстати, с моим психотерапевтом Екатериной Опекунцевой у меня связь отличная!

– Это та самая, которая помогла тебе простить твоего мужчину? – усаживаясь за стол, уточнила Горелова.

– Не просто мужчину – всех мужчин! – весело смеясь, ответила Анна. – Я ведь раньше вообще была обижена на весь род мужской, ты помнишь?

– Помню! – Катя улыбнулась от нахлынувших трагикомич-

ческих воспоминаний.

– Так вот эта твоя тёзка, психотерапевт, помогла мне избавиться ото всех этих обид! – с какой-то даже гордостью заявила Анна.

– А что тебе рекомендовала Опекунцева? – поинтересовалась Горелова.

– В первую очередь она советовала мне *не игнорировать* своё страдание, – ответила Сердцева.

– Поясни, – съев ещё одну ложку ухи, попросила Катя.

– Понимаешь, *когда человек пытается не обращать внимания на свои переживания, они от этого только усиливаются*, – глядя на подругу своими выразительными ореховыми глазами, разъяснила Анна. – Ведь боль, будь то физическая либо душевная, – это *сигнал* нашего существа *о том, что нам нужно на что-то в себе обратить внимание*. И если этого внимания не уделяется, – как в случае с игнорированием проблемы, – то сигнал, соответственно, будет только усиливаться!

– То есть когда наша сущность, наша Природа, посылает в наше сознание подобный болевой сигнал, то она просто *настойчиво просит нас рассмотреть кое-что в самих себе?* – сообразила Горелова.

В это время две молодые девушки за соседним столиком непонимающе посмотрели на Екатерину.

– Именно! – Сердцева тем временем радостно хлопнула в ладоши. – Поэтому, если человек хочет навсегда избавиться-

ся от своих страданий, ему нужно поступить ровно наоборот...

– «Отдаться» своей боли? – снова смекнула Горелова – и снова удостоилась сконфуженных взглядов сидевших неподалёку девушек.

– Да, – кивнула Анна, – нужно именно позволить своей душе «отболеть до конца». В психотерапии, как мне рассказывала твоя тёзка, это называется *имплозивной терапией*. Пациент по собственной воле, – что крайне важно! – *старается усилить своё страдание до максимальной степени*, которую он только способен выдержать. За один сеанс это должно быть не менее получаса, а порою и дольше. При этом ни пациент, ни врач не должны прибегать ни к успокоениям, ни к отвлечению внимания от страдания...

– Да, это я уже поняла, – Горелова понимающе кивнула, а Сердцева продолжила:

– В общем, таким образом психика пациента постепенно адаптируется к раздражителю, и боль отступает. Метод имплозивной терапии чаще всего используют для избавления от страхов. Ну, к примеру, человек до смерти боится пауков, – а ему вместо всяких там успокоений просто дают подержать членистоногого в руке! Да, поначалу страшно и неприятно. Но со временем никакого страха уже не будет!

– Ты проверяла? – съев ещё одну ложку ухи, с небольшой ухмылкой спросила Горелова.

– Я применяла этот метод к другой негативной эмоции, –

сказав это, Анна слегка посерьёзнула.

– Ну, если я правильно тебя поняла, этот метод «погружения в боль» помогает справиться и с другими неприятными переживаниями? – уточнила Екатерина, одновременно наблюдая за тем, как те самые девушки, которые безпрестанно бросали на неё косые взгляды, подошли к кассирше... и жестом указали на Горелову.

В ответ сотрудница закуской лишь покачала головой, а девушки с недовольными лицами покинули заведение.

– Да, Катя, таким методом можно избавляться не только от страха, – продолжила в это время Сердцева, – но и от гнева, и от уныния... Я сама избавлялась таким образом от обиды.

– Получилось? – искренне поинтересовалась Горелова.

– Да! – весело улыбнулась Анна. – Как меня только не дразнили раньше мои друзья: «дева-обида», «Анна Обидина»... А теперь перестали!

– Получается, что боль – это способ, которым существо человека сигнализирует ему о появившейся проблеме, – умозаключила Катя. – Вроде сигнализации о пожаре, – только о внутреннем пожаре, душевном.

– Верно, – кивнула Сердцева. – И телесная, и эмоциональная боль – это способ природы достучаться до разума человека, чтобы оповестить его о том, что в нём что-то происходит не так. Либо он небрежно относится к своему телу, либо деструктивно мыслит. И в последнем случае эмо-

циональная боль побуждает его пересмотреть свой образ мышления. Эта боль, как ты только что очень удачно сравнила, нечто вроде пожарной сигнализации: когда люди слышат сигнал тревоги, до них сразу же доходит, что нужно обратить внимание на происходящее вокруг, – ведь где-то что-то загорелось. А если они глушат своё страдание алкоголем или, не дай Бог, медикаментами, – то это то же самое, что затыкать уши берушами, дабы не слышать пожарной сигнализации...

– А от чувства вины с помощью этого метода можно избавиться? – спросила повеселевшую подругу Екатерина.

Сердцева почему-то не ответила сразу. И это сильно встревожило Катю; ей даже на секунду показалось, что Анна не просто ожидала от своей собеседницы этого вопроса, – но она также знала и причину, по которой та его задавала.

– Уверена, что можно, – ответила Анна после довольно тягостной паузы. – Дерзай! Если тебя правда сильно что-то мучает...

– Катя, к тебе можно? – над Гореловой, держа в руках разнос с первым и вторым, возвышался Анатолий.

– Толь, прости... – девушка посмотрела на коллегу извиняющимся взглядом. – Но мне тут с подругой нужно кое-что обсудить...

В ответ ведущий редактор лишь молча кивнул. На его лице Горелова успела прочесть грусть, переходящую едва ли не в скорбь.

– *Катя, мне кажется, нам пора идти...* – сказала «вечно сытая» Сердцева, когда её подруга уже доела свою уху.

И снова эта фраза отозвалась в душе Гореловой непонятной болью.

«Почему же я так болезненно реагирую на эти слова? – задумалась девушка. – Я не могу вспомнить, чтобы расставание с кем-либо так уж сильно ранило меня... Или я всё-таки о чём-то забыла?..»

– Да, пойдём, – после недолгих раздумий согласилась Горелова – и понесла в окошко моечной свои тарелку и разнос.

По пути девушка виновато посмотрела на Анатолия, который был вынужден занять другое место из-за её недавнего отказа. Мужчина даже не поднял на неё своих глаз.

Знала бы Катя, какую роль Анатолию предстоит сыграть в её жизни в этот самый день... Впрочем, тогда бы вся история получилась совершенно иной.

А пока Екатерина с Анной медленно прогуливались в сторону издательства. Вскоре они дошли до массивных металлических дверей здания, красиво отделанных деревом. Подруги уже собирались прощаться, как вдруг услышали два мужских голоса. Эти голоса были прекрасно знакомы им обеим!

– Ничего себе!.. – удивилась Сердцева. – Это они для тебя решили устроить?

Напротив входа в здание, в котором располагалось издательство, прямо посреди проезжей части стояли двое моло-

дых людей. Это были известный музыкант Юрий Успенков и его приятель Дмитрий Помыслов – писатель, а также автор-исполнитель. Оба они были одеты в зимние ботинки, джинсы и лёгкие демисезонные пуховики. Помыслов был выше ростом: примерно метр девяносто и широкий в плечах (почти как его тёзка Свободин), с недлинными усами и бородой; своими радостными серо-зелёными глазами он смотрел на подошедших ко входу девушек, уделяя Екатерине всё же больше внимания, чем Анне. Юрий был пониже ростом – примерно метр восемьдесят – и также обладал крепким телосложением, пусть и сильно уступал в габаритах своему другу. Несколько напряжённые карие глаза Успенкова зорко смотрели на обеих девушек, не отдавая никому из них особого предпочтения. На плечевом ремне у Юрия висела акустическая гитара. Одну из авторских песен, сочинённых Дмитрием, они хором пели в этот самый момент. Композиция называлась «Навек прощён» [17].

«И нет разлуки – Ты вечно со мной!
И в каждом звуке звучит голос Твой...
Глаза открыты: Ты гонишь мой сон!
Навек забытый навек прощён...
Навек забытый навек прощён...»

Глаза Кати в этот момент заслезились. Слова о прощении, которые пропевали ребята, отчего-то так сильно тронули её душу... И сейчас эти голоса словно бы вернули её к жизни...

– Ребята!.. Дорогие мои!.. Спасибо вам!.. Спасибо!..

Сказав эти слова, Екатерина, позабыв обо всём, двинулась в сторону Юрия и Дмитрия. Ей просто хотелось обнять их обоих – и поблагодарить *за эту песню в этот самый момент.*

Однако внезапно стройное унисонное пение молодых людей заглушил неистовый крик... и протяжный гудок автомобиля.

– Катя! Катя, с дороги! – закричал Анатолий, – а следом за ним и Анна.

В этот момент Горелова ощутила сильнейший толчок в спину. Это Анатолий, ринувшийся спасти девушку из-под колёс не успевавшего затормозить КамАЗа, изо всех сил толкнул её вперёд, убирая её тем самым с пути грузовика.

Сгруппировавшись и упав на локти, Катя увидела, как Успехов и Помыслов побежали за угол здания. Это было довольно странно. По крайней мере, они могли бы досмотреть, чем закончился едва не ставший трагическим инцидент.

«Почему они решили немедленно скрыться?» – подумала Катя, всё ещё лёжа на проезжей части.

И тут она услышала удалявшиеся крики Дмитрия и Юрия: *«Катя, кажется, нам пора идти!»*

«Да уж, опять эта фраза... – подумала Екатерина, делая первые усилия для того, чтобы подняться-таки с обледеневшей дороги. – Они все сговорились сегодня что ли?»

Однако была и ещё одна странность. Горелова увидела,

что пуховики молодых людей были испачканы со спины... той же самой строительной пылью, что и вчерашняя одежда Свободина.

– С тобой всё хорошо? – Анна подросла к подруге, которая в это время медленно поднималась с покрытой гололёдом проезжей части.

– Да, всё нормально, – отряхивая локти от налипшего снега, ответила Екатерина. – Толя, спасибо тебе огромное!

После этих слов Горелова подошла к ведущему редактору – и крепко обняла его за шею.

– Ты сам как? – спросила девушка своего спасителя.

– Со мной всё хорошо, – со вздохом ответил Анатолий, также стряхивая с грудной части своей куртки снег. – А с тобой?

В этом вопросе Катя услышала подвох.

– Да, всё нормально, – ответила Горелова, выпуская мужчину из своих объятий. – Аня, а почему Дима с Юрой убежали?

После этого вопроса Гореловой её спаситель резко изменился в лице. Он как-то нервно развернулся и направился ко входу в здание.

– Они ещё обязательно вернутся, – заверила подругу Сердцева. – Я потом поговорю с ними обоими. Видимо, они просто испугались чего-то, что ты сделала.

– Того, что я под аккомпанемент их песни прыгнула под грузовик? – полусерьёзно спросила Катя.

– Ну да, слушатели ведь нечасто так поступают, – Анна попыталась перевести обсуждение инцидента в шутку.

– Ну что, до завтра тогда? – ласково улыбнулась Горелова. – Пока я ещё куда-нибудь не прыгнула?

На прощание девушки обнялись, после чего каждая из них направилась на свою работу.

Пока Екатерина поднималась на второй этаж, к Звонимирову подошёл Анатолий.

– Послушай, Иван, – ведущий редактор обратился к хозяину издательства, – я прекрасно отношусь к Кате, ты же знаешь...

– ...Но даже для тебя это уже слишком, – Звонимиров закончил фразу за своего коллегу.

– Да! – кивнул Анатолий. – *Это* уже слишком!

– Прощу, потерпи, – с каким-то убийственным спокойствием ответил Иван. – Мне нужно ещё немного времени. Когда она перестрадает то, что ей необходимо перестрадать, она очнётся ото сна.

– Но ведь она и так...

– Я сейчас выразился не в буквальном смысле. Я обязательно с ней разберусь, Анатолий. Ведь ради этого я всё и делаю...

* * *

«Пробуждение возможно только у тех, кто ищет и же-

лает его, у тех, кто готов ради его достижения бороться с собой, работать над собой долго и упорно, с большой настойчивостью. Для этого необходимо разрушить «буфера», то есть пойти навстречу внутренним страданиям, связанным с ощущением противоречий. Кроме того, разрушение «буферов» само по себе требует очень долгой работы, и человек должен согласиться на такую работу, понимая, что её результатами будут всевозможные неудобства и страдания от пробуждения совести.

«Но сознание – это то пламя, которое одно только и способно расплавить все порошкообразные металлы в стеклянной реторте, упомянутой выше, и создать единство, которого человеку недостаёт в том состоянии, когда он начал изучать себя».

Успенский П. Д.

«В поисках чудесного»

[13, с. 198—199]

* * *

Когда насыщенный событиями рабочий день подошёл к концу, Екатерина в невесёлом настроении отправилась домой. Бегство Помыслова и Успехова – сразу после данного ими концерта – оставило в душе Гореловой тягостные неотвеченные вопросы. Однако вскоре она всё же почувствовала в своём сердце тепло.

Когда Катя уже подходила к своему дому, в расположенной поблизости кофейне она увидела ещё одного своего знакомого. Это был писатель Сергей Озеров. Будучи временно безработным, он проводил здесь чуть ли не каждый вечер. Сквозь стеклянную стену заведения Сергей увидел Горелову и помахал ей рукой, одновременно приглашая девушку присоединиться к нему.

Катя расплылась в улыбке и направилась в кофейню. Увидев, как она вошла, Озеров привстал из-за ноутбука, за которым он писал очередной роман, и радостно посмотрел на девушку. Ростом Сергей был чуть ниже Звонимирова; жилистый и широкий в плечах; одетый в клетчатую бежево-коричневую рубашку с короткими рукавами и чёрные джинсы; по выражению его немного простодушных серо-голубых глаз Катя поняла, что он был очень рад её видеть.

Сергей поцеловал девушку в щёку, а затем помог ей снять дублёнку – и повесил её на напольную вешалку рядом со своей светло-серой курткой.

– Привет, Катя, – ласково произнёс Озеров. – Как ты? Удалось хотя бы немного поспать?

– Нет, Серёж, никак... – удручённо вздохнула Горелова, присаживаясь на белый кожаный диван рядом с писателем.

– Что-то гложет тебя? – заглядывая в грустные и измождённые глаза Екатерины, спросил Озеров.

– Что-то гложет, да... – задумчиво промолвила девушка. – Я как будто потеряла что-то важное в жизни... И это чув-

ство тянется с прошлого лета... Тогда со мной что-то случилось... Это сложно передать словами, Серёж... У тебя бывает такое, что ты чувствуешь, что что-то идёт не так, но никак не можешь сформулировать, в чём же именно причина?

– Да, такое бывает нередко, – признался Сергей. – Именно поэтому я и пишу романы. То, для чего порой не находится точных и конкретных слов, потом неизбежно «вылезает» между строк. И в итоге тебя понимают.

– Вот тогда и ты сам начинаешь лучше себя понимать, да? – с надеждой в голосе спросила Катя.

– Несомненно, – подтвердил Сергей. – Слушай, я сейчас отлучусь ненадолго, а ты пока закажи себе чего-нибудь, ладно?

– Хорошо, давай, – согласилась Екатерина.

Горелова жестом подозвала к себе невысокую черноволосую официантку и сделала заказ:

– Один американо, будьте добры.

Пока милая брюнетка готовила заказ, Гореловой довелось ощутить всю неистовую силу женского любопытства. Она увидела, что Озеров оставил свой вордовский файл незакрытым, – и там был текст его нового романа! Более того, не раз упомянутое в тексте слово «Катерина» сразу же бросилось девушке в глаза!

«А что, если Сергей для того и вышел, чтобы я за это время успела взглянуть на его рукопись?» – пронеслось в мыслях у Гореловой.

Взглянув на всякий случай на официантку, которая вполне могла не одобрить, что кто-то из посетителей заглядывает в чужой компьютер, Катя в итоге передвинулась на диване так, чтобы видеть рукопись её друга без помех. Следующим шагом было взять в руки компьютерную мышь... отмотать текст... и начать читать произведение Сергея, который явно не торопился возвращаться из уборной.

Екатерина прочла следующее:

*Мы только что вышли на станции метро «Ментальная» с моим другом. Он приехал на встречном поезде, идущим со станции «Огненная». Мы поднимаемся по эскалатору вверх и выходим на улицу. Да, всё так, как я и мечтал. Вот, она первая встречает меня у дверей метрополитена. Её небесно-голубые глаза ласково и чуть игриво смотрят в мои, потом она кладёт свою белокурую голову мне на грудь, прижимаясь ко мне всем телом, а я, обнимая её, легонько тереблю её длинные волосы. Мы наконец-то встретились после долгой разлуки. На лице моего друга я читаю тихий восторг. Благодаря ему я сейчас здесь. Лишь выслушав и применив его мудрые советы, я снова воссоединился с Катериной – моей второй половинкой, единственной предназначенной **МНЕ** женщиной. Друг счастлив за меня, а нам – теперь уже втроём – предстоит пойти дальше.*

«Так что, это он про меня пишет, получается? – подумала

литературная шпионка. – И если это про меня, то почему он не говорил мне о своих чувствах раньше?.. И я даже не помню, чтобы он хоть как-то намекал мне на это... А кто этот „мой друг“ из текста? И зачем Сергей выделил жирным отдельные буквы?»

Мы идём на главную площадь города по направлению к станции метро «Огненная», – и тут звонит мой телефон. Поначалу я не поверил услышанному: мне звонил основатель «Продюсерской компании «Воскресенье» и говорил о том, что мой первый – и пока что единственный – роман было решено экранизировать. Сбылась вторая моя мечта за какие-то десять МИнут. Мой друг и Катерина всё поняли без слов. Я чувствую своё единство с ними, и моя радость – это и их радость тоже. Более того, всё тут же начинает меняться и вокруг. На ясном голубом небе над площадью ещё ярче начинает светить солнце, будто бы и оно знает о том, как я сегодня счастлив. Проходящие мимо люди – мужчины, женщины, дети, старики – все словно лучатся этим солнечным светом... и, как знать, может быть, и они каким-то образом прознали о моей радости? Я думаю о том, что мы все связаны: я, моя вторая половинка, мой друг, все эти прохожие... и это яркое солнце в небе над любимым городом, что незримыми нитями связало всех нас.

Мы вдвоём с Катериной едем к ней в гости, где нас ждут и остальные её друзья. Мой друг сказал, что немного за-

держится и придёт позже. Все гости рады видеть и меня, и мою любимую девушку. И тут раздаётся продолжительный стук в дверь. Катерина пошла открывать ещё одному посетителю. По его голосу, – который раздался, лишь только она отворила ему дверь, – я понял, что он был чем-то сильно раздражён.

В это время Озеров вернулся из уборной.

– Серёжа, это ты про меня роман пишешь, что ли? – пойманная с поличным, Катя с кокетливой улыбкой спросила автора. – Что это за Катерина из текста?

– Ну, скажем так, это прообраз тебя, – ответил Сергей. – Мне хотелось, чтобы главная героиня была чем-то на тебя похожа.

– Но она, наверное, лучше меня, да? – в голосе девушки вновь прозвучало кокетство.

– Я старался особо не идеализировать этот образ, – признался писатель на полном серьёзе, – но насколько у меня это получилось, станет ясно, когда роман будет завершён.

– А Катерина из романа в итоге *пустит стучащегося* в свой дом? – литературная редакторша не могла не полюбопытствовать.

– Пока не могу сказать, – пожал плечами Озеров. – Концовка пока что никак ко мне не приходит...

– Но расскажи мне хотя бы что-нибудь про эту Катерину! – по-прежнему игриво попросила Горелова. – Какие ка-

чества ты пытался в неё вложить при написании?

– Я хотел, чтобы эта моя героиня обладала мужеством, самообладанием, состраданием к ближнему и, самое главное, терпением, – по-прежнему серьёзно признался Озеров. – И чтобы она умела отличать правду ото лжи и друзей от врагов.

– И у неё всё это получается, да? – сладко улыбнулась Горелова.

– Вот концовка-то это и покажет, – развёл руками писатель, – сумеет ли она пройти испытание, которое ей было уготовано.

– А зачем ты выделяешь отдельные буквы? – поинтересовалась Катя.

– Какие буквы? – не понял вопроса Сергей.

Горелова снова посмотрела на экран монитора. Букв, выделенных жирным шрифтом, действительно больше не наблюдалось.

– Серёжа, я, пожалуй, пойду домой... – вздохнула Екатерина. – Это у меня от недосыпа, наверное, уже глюки пошли...

– Я провожу тебя, – безапелляционным тоном ответил писатель – и уже снимал с вешалки Катину дублёнку.

– Да ведь у тебя работа... – попыталась мягко отказаться Горелова.

На самом деле Катя по какой-то причине немного стеснялась Сергея. Она как будто бы даже... испытывала в его при-

сутствии некое подобие стыда. Но понять, почему она так себя чувствовала, находясь в компании писателя, девушке пока что не удавалось.

– Не забывай: я работаю в своё удовольствие, – уверенно сказал Озеров. – А большего удовольствия, чем проводить тебя до дома, я сейчас не могу себе и представить! К тому же, *Катя, мне кажется, нам пора идти...*

Эта фраза снова ввела девушку в некий ступор. Но спустя пару секунд, собравшись с мыслями, Горелова чуть застенчиво сказала:

– Но я живу тут совсем недалеко, буквально в двух шагах...

Однако Сергей уже застегивал свою куртку на молнию. Затем он взял Катю за руку и повёл её к выходу из кофейни.

– А как же твой ноутбук? – удивлённо спросила девушка. – Его не украдут?

– Нет, не украдут, – флегматично ответил Озеров, пока они спускались по ведущей на улицу винтовой каменной лестнице, – в этой кофейне уже настолько привыкли ко мне, что, кажется, вообще перестали меня замечать. И мои вещи тоже.

Почему-то от этой шутки Кате стало невесело. Она ещё крепче вцепилась в руку Сергея, будто боялась его потерять.

– Не волнуйся, – словно прочитав мысли девушки, ответил писатель, – я рядом.

До дома Гореловой они шли, ничего не говоря друг другу.

Катя обнаружила, что Сергей был тем человеком, рядом с которым ей было комфортно даже просто молчать. От Озерова веяло каким-то необыкновенным умиротворением, и рядом с ним девушка чувствовала себя по-настоящему защищённой.

Подойдя к Катиному подъезду, они остановились друг напротив друга. Гореловой очень хотелось пообщаться с писателем ещё: поговорить о его творчестве, узнать о дальнейших планах. Поэтому она, не колеблясь, предложила:

– Как насчёт зайти ко мне? Чаю попью, поговорим?

Ответ Озерова показался Кате довольно странным:

– Я сейчас не могу: мне надо как можно скорее дописать книгу. *Мне нужно всё успеть.* Нужно поскорее отдать рукопись своему другу, чтобы он не медлил с её редакцией – и принёс её из типографии пораньше. *А то в прошлый раз он чуть задержался,* – и у меня возникли большие проблемы.

– Ладно, давай в другой раз, – расстроено ответила Катя.

– До встречи, дорогая моя, – попрощался с девушкой Сергей.

– До встречи...

Придя домой, Катя первым делом сняла с себя дублёнку – и собиралась повесить её на настенную вешалку. И тут она увидела на светло-жёлтых обоях прихожей строительную пыль. Ту самую, в которой были испачканы одежды убежавших Помыслова и Успехова... и, конечно, гостившего у Кати сутки назад Свободина. Очевидно, именно с куртки Дмит-

рия пыль и «перекочевала» на стену прихожей.

Горелова взяла в ванной влажную губку и попыталась оттереть пыль от обоев. Однако у неё ничего не вышло: пыль оставалась на стене несмотря на все её усилия. После пяти минут бесплодных попыток девушка оставила это занятие. В расстроенных чувствах Катя швырнула губку в ванную, а сама направилась на свою кровать, – чтобы провести на ней ещё одну бессонную ночь.

* * *

«Самообладание есть очень сложное качество. Оно состоит из мужества, терпения и сострадания. Но мужество не должно переходить в гнев, сострадание не должно граничить с истерией, и терпение не должно быть ипокритством. Так сложно самообладание, но оно неизбежно нужно при вступлении в Миры Высшие. Следует очень заботливо развивать это синтетическое качество. В школах следует ставить ученика перед лицом самых неожиданных обстоятельств. Преподаватель должен следить, насколько сознательно принимаются впечатления. <...>

Потому опытные люди просят об испытаниях, иначе на чём утвердить силу нашу?»

*Агни Йога. Мир Огненный. Часть первая. Шлока 634 [8, с. 387
—388]*

Вторник

Следующее утро мало чем отличалось от предыдущего. Через силу затолкав в себя полтора сырника, Катя снова отправилась на работу. Её деятельность была той главной вещью, что помогала ей оставаться наплаву. И вторым фактором являлась Катина недописанная книга. Горелова чувствовала, что пока что не дописала чего-то самого важного. Её произведению пока что недоставало чего-то такого, что было одновременно и простым по своей сути, но и трудноуловимым. Вероятно, это можно было бы уместить в одно-единственное предложение... но оно пока что никак не шло к потерявшей сон авторше.

На самих городских улицах, казалось, повис какой-то немой вопрос. Эти самые дома, что день за днём служили безмолвным экстерьером её пешего пути до издательства, словно бы тоже ждали этого замедлившего со своим приходом ответа. И Катя, шагавшая обезсилевшими ногами по вязкому нарастающему снегу, была намерена однажды получить его.

Она снова вошла в здание издательства. Охранник на посту вежливо кивнул литературной редакторше. Горелова чувствовала, что все, кто работал в этом здании и знал её, питали к ней уважение – за её беззаветную преданность профессии. Невзирая на своё плачевное состояние, Екатерина

не просто не искала предлогов, чтобы отпроситься с работы, – она даже никогда на неё не опаздывала. Однако сегодняшний день получился для Гореловой особенным. Она совершенно неожиданно оступилась.

Поднявшись на второй этаж, девушка уже подходила к приоткрытой деревянной двери издательского офиса. И тут из помещения организации донеслись голоса Алевтины и Анатолия. Они обсуждали Екатерину.

– Как ты думаешь, Толя, – послышался звонкий голос Алевтины, – почему она не может спать? Она, что, убила кого-то, что ли?

– Да нет... вряд ли... – смятенно произнёс Анатолий. – Хотя... в её жизни по-любому случилось что-то плохое.

Катя не стала открывать дверь: напротив, она её плотно затворила – и прижалась к ней спиной. В эту секунду она не могла смотреть своим коллегам в глаза.

«Да разве обо мне можно подумать, что я способна кого-то убить? – пребывая в отчаянии от только что услышанного, подумала Катя. – Почему они *так* обо мне думают? Как они могут?!»

И тут Горелова вспомнила один фрагмент из Учения Живой Этики – из книги «Листы Сада Мории. Озарение». В нём говорилось о том, что людям крайне сложно усвоить одну вещь: что *воздействие мыслей и поступков* намного ближе по своей сути, чем большинство людей себе представляет. К примеру, на человеческое излучение, – на его ау-

ру, – мысль об убийстве и само убийство оказывают идентичное воздействие! Мысль имеет конкретное физическое излучение, которое способно воздействовать на огромных расстояниях. Это настолько же очевидно, как и влияние излучения световых волн. Поэтому *уже только замысливший* убийство, по сути, убийцею и являлся! И также в Учении говорилось, что этот закон о мысли является общим для всех, – поэтому касается он не только каких-то исключительных индивидуумов, а всех людей без исключения. И это означало, что *на уровне восприятия энергетических излучений* не могло быть никакой лжи и лицемерия. Притворство здесь приходило в абсолютную негодность! Равно как и само понятие о «тайности мысли»...

«Но разве я замышляла когда-либо кого-то убивать? – с содроганием подумала Горелова. – Или я, опять-таки, что-то забыла?»

Впервые за всё время Кате захотелось уйти с работы. В эту минуту она отчаянно возжелала выйти на улицу, вдохнуть воздуха и увидеть вместо ограждавших взор стен открытое пространство. И в итоге она направилась в сторону лестницы.

«Неужели от меня *веет убийством?* – спускаясь на первый этаж, Екатерина вспоминала и фрагмент из Живой Этики, и страшное предположение Алевтины. – Но я правда не могу вспомнить, чтобы когда-то желала кому-либо смерти!»

В этот момент отвратительное физическое самочувствие дало о себе знать. Одна нога девушки зацепилась за другую, – и она полетела головой вниз на покрытые серой плиткой лестничные ступеньки.

«Возможно, я теперь только *так* и смогу заснуть...» – в этот – словно растянувшийся во времени – миг Екатерина успела подумать о своей возможной смерти.

Однако ни сон, ни смерть не проложили дороги к Гореловой на этот раз. Буквально в нескольких сантиметрах перед собой девушка увидела изумрудного цвета глаза Звенирова: она всем телом лежала на его сильных руках. Её руководитель спас ей жизнь. И в эту минуту в Катиной памяти сверкнула яркая – и долгожданная – вспышка воспоминания.

В сознании Гореловой отобразилась следующая картина: её, пребывающую в полубезсознательном состоянии, кто-то несёт на руках по улице... и эта улица кажется ей очень знакомой... А на тротуаре одиноко лежит серый каменный обломок. В этот момент Катя чувствовала себя такой маленькой... но одновременно любимой и защищённой, – будто оказалась под чьим-то могучим крылом... Словно бы она была веткой, произраставшей на могучем дереве... *лишь благодаря стволу которого* она могла расти вверх... устремляясь к самому солнцу!.. Однако росту этого могучего ветвистого дерева кто-то будто бы отчаянно пытался помешать. И этот кто-то словно пытался установить над деревом

чёрный свод, который не позволил бы ему расти дальше... а также всеми силами пытался обрубить его могучие корни... чтобы оставить это прекрасное дерево гнить... ведь этот вредитель, очевидно, сам пытался разложением...

«Где бы это могло быть?» – пронеслось в мыслях Гореловой, когда Иван уже ставил её в вертикальное положение.

– Катя, сегодня у меня для тебя особое задание, – со свойственной себе флегматичностью проговорил Звонимиров.

– Да, Иван... Всё, что угодно... – не замедлила с ответом Горелова.

– Сейчас ты идёшь домой.

– Но я...

– Возражения не принимаются, – тихо произнёс Иван. – Ты сама сказала: «Всё, что угодно». И мне угодно, чтобы ты побыла сегодня дома. А завтра я жду тебя на работе.

– Да, хорошо... – неохотно согласилась Катя.

Когда Горелова уже шла по улицам в обратном направлении, в офисе издательства Алевтина сказала Ивану издевательским тоном:

– И долго мы ещё будем любоваться нашей неспящей красавицей?

– Пока не заснёт, – ответил Звонимиров. – Или, наоборот, пока она не проснётся к новой жизни.

– Ну ты же можешь очень быстро прекратить её страдания, я уверена! – маркетолог сказала это уже предельно серьёзно. – Никто так не разбирается в людях, как ты! Почему

ты не положишь всему этому конец?

– Потому что она сама должна понять, почему с ней это происходит, – Звонимиров строго посмотрел на Алевтину со своего рабочего места. – Она сама всё это породила, – и ей же с этим и разбираться. А я могу помочь только в том случае, если она лично меня об этом попросит.

– А она до сих пор не просила? – удивилась маркетолог.

– Пока что нет.

– Ну а ты хоть что-нибудь ей советовал? – не унималась Алевтина. – Как ей жить в таком состоянии?

– Сейчас Катя имеет дело со следствиями, – пояснил Звонимиров, параллельно правя текст на своём компьютере, – когда же она докопается до причины, то найдёт выход. И ещё она недостаточно хорошо изучила, *как действует* её истинный враг.

– Ты знаешь *того*, кто довёл её до такого состояния? – по спине Алевтины побежали неприятные мурашки.

Звонимиров ничего ей не ответил.

В это время Анатолий с тоскою в глазах смотрел в окно, провожая взглядом Горелову, уходившую от здания издательства всё дальше и дальше.

– А если она никогда всего этого не поймёт? – маркетолог возобновила свои вопросы к Ивану. – Если она так и не узнает правды? И так никогда и не заснёт?..

Алевтина – впервые за всё время их совместной работы – почувствовала по отношению к Екатерине сострадание.

– Она поймёт, – без малейшего сомнения в голосе ответил Звонимиров. – Просто потому, что она сама сильно этого хочет.

После этих слов начальника скорбный взгляд Анатолия сменился на чуть более радостный. Он, равно как и девушка-маркетолог, не знал подлинной причины того, что в последнее время происходило с их коллегой, и чему они с Алевтиной, с содроганием сердца, раз за разом становились невольными свидетелями. Звонимиров же распространяться о биографии Гореловой категорически отказывался. И уже более полугода ему приходилось нести груз этого знания в полном одиночестве...

– И вся эта ситуация, как бы там ни было, уже принесла кое-какие положительные перемены, – спустя какое-то время всеобщего молчания добавил Звонимиров.

– Какие? – казалось, Алевтина была немного удивлена этим утверждением руководителя.

– Ты начала сострадать ей, – не глядя на маркетолога, ответил Иван. – И ты стала более терпимой к Кате. Пусть тебе – пока что – и сложно это признать.

– Я? – машинально переспросила Алевтина.

Однако хозяин издательства на этот раз промолчал.

Тем временем Катя шла в направлении своего дома. Она не переставая думала о том видении, которое недавно посетило её. Тот образ чёрного свода над могучим деревом напомнил Гореловой об одной шлоке (192) из книги «Иерар-

хия» Учения Агни Йоги [5, с. 112—113]. Там говорилось: «Как может дерево мощно держаться, если старания вырвать корни утверждаются? Только прикосновение к чистому проводу даёт равновесие силам, потому только корни Иерархии могут держать здание. Каждое отступление есть ущерб мощному росту. Сознательно нужно утвердиться в понимании сил Иерархии. Через трещины, наносимые непочтанием Иерархии, ползут чёрные силы, потому нужно понять единство с мощью, выраженной Высшей Силою. Так можно достичь».

«Почему у меня постоянно возникает ассоциация с вырванными корнями? – задумалась Екатерина, шагая по скользкому тротуару. – Кому или чему я навредила в своей жизни? И чью капитальную постройку я могла разрушить?»

В этот момент Катя почему-то вспомнила о Свободине. Ждать до выходных оставалось ещё очень долго, а сейчас её – практически насильно – отправили отдыхать. А что может быть лучше отдыха в объятиях своего мужчины?

«Да быть такого не может!» – спустя какие-то мгновения изумилась Горелова.

Буквально в десятке метров перед собою она увидела... Дмитрия Свободина.

По обледенелому тротуару мужчина шагал навстречу ей. И, конечно, он тоже её увидел. Всё это было, как в сказке... Или как в волшебном сне. После скверного утра, едва

не закончившегося трагедией, Катя подумала о нём... о своём мужчине... и встретила его практически моментально.

– Катя! – удивлённо и радостно крикнул Свободин, увидев свою девушку.

Торопливым шагом, продираясь сквозь вязкий подтаявший снег, Дмитрий устремился к Екатерине. Преодолев разделявшее их расстояние, они крепко обнялись и поцеловались.

– Ты ушла с работы? – Свободин вопросительно посмотрел на Горелову.

– Меня оттуда «попросили», – невесело сообщила редакторша, глядя в серо-зелёные глаза мужчины. – Я сегодня... В общем, не важно... А ты-то здесь какими судьбами?

– Просто гулял, – ответил Дмитрий. – *Не мог сидеть дома.*

– Я тоже не хочу сидеть дома, – тяжело вздохнула Екатерина, – но Иван сказал, чтобы сегодня я отдохнула.

В этот момент девушка заметила, что загадочные пятна от строительной пыли всё ещё оставались на тёмно-синей куртке Дмитрия, – однако они уже не столь сильно бросались в глаза.

Проходившая мимо молодой пары пожилая женщина, одетая в светло-бежевую куртку и нёсшая в руке небольшое красное ведро, подозрительно посмотрела на Горелову. За последнее время Катя уже успела привыкнуть к подобным взглядам, – насколько к ним вообще можно было привыкнуть...

– Да, частично я сумел вывести эти пятна, – поняв, о чём подумала девушка, сказал Дмитрий, – но до конца их удалить почему-то не получается...

– А где ты так заляпался-то? – проводя лёгкой кожаной перчаткой по плечу мужчины, спросила Катя.

– Не помню... – признался Свободин. – *Вляпался куда-то...*

– Может, ко мне пойдём? – Катя кивнула в сторону своего дома, до которого оставалось не более сотни метров.

– Да, с радостью, – без малейших колебаний согласился Дмитрий и, взяв девушку за руку, повёл её по скользкому тротуару до дома.

Горячий душ, куда они сходили вдвоём, придал Кате свежих сил и повысил настроение. С их последней встречи прошло всего двое суток, а она уже успела сильно соскучиться по Дмитрию. И он, страстно целовавший её, был тоже, несомненно, рад этой внезапной встрече.

«Мы могли бы видеться и чаще», – не выпуская мужчину из своих страстных объятий, Катя вспомнила его недавно сказанную на прощание фразу.

Тогда эти слова вызвали в ней лёгкую обиду, – теперь же она была несказанно счастлива, что её мечты о новой встрече с ним сбылись... так легко.

После сладких минут любви они просто лежали на кровати. Катя прислонилась щекой к могучему плечу бывшего спортсмена; сам же он задумчиво смотрел перед собой. Те-

чение мыслей Свободина прервал телефонный звонок.

– Алло! – Дмитрий не медля ответил на вызов. – Аня, привет! Да, она здесь! Привет тебе от Ани!..

– И ей тоже! – ответила Горелова, попутно думая о том, что ей самой дозвониться до Сердцевой было теперь крайне проблематично.

Внезапно во входную дверь постучали. От неожиданного громкого стука Катя вздрогнула. После того, как стук повторился, девушка потянулась за сиреневым сатиновым халатом, висевшим на двери. Дмитрий же, продолжавший в это время разговор с Анной, вдруг предупреждающе сказал:

– Аня советует тебе не открывать *ему* дверь!

– Да? – удивилась Горелова. – Но почему?

Назойливый стук продолжался. Незванный гость был очень настойчив. И Катя, несмотря на предостережение Дмитрия, решительным шагом направилась ко входной двери.

– Аня! – крикнул в трубку Свободин.

Однако связь с Сердцевой оборвалась – лишь только Горелова, накинув на себя мягкий халат, вышла в прихожую.

Когда она открыла дверь, на лестничной площадке никого не было.

«Кто бы это мог быть? – задумалась Катя. – Хулиганы?»

Вернувшись к Дмитрию, девушка сообщила:

– За дверью никого не оказалось. Может быть, кто-то так шутит?

– И вот почему ты не послушалась ни меня, ни Аню? –

раздосадованно спросил Свободин, кладя свой смартфон обратно на тёмно-коричневую деревянную тумбочку. – Она же сказала: не открывай! Значит, она могла знать, *кто* это был! Возможно, *она уже сталкивалась с этим*.

– Да, и ещё она сказала «не открывать *ему*», – Катя припомнила разговор двух своих друзей. – Откуда она знала, что это именно *он*, а не «она» и не «они»?

– Я бы и сам хотел это выяснить, – невесёлым голосом ответил Дмитрий, – но связь с Сердцевой оборвалась, как только ты выдвинулась открывать... *ему*.

– Перезвони ей, – попросила Горелова.

Свободин не стал противиться желанию девушки – и через пару мгновений уже набирал номер Анны. Однако «абонент был недоступен».

– Ладно, завтра на обеде у неё спрошу, – сказала Катя и, снова забравшись на кровать, крепко прижалась к Дмитрию.

– Тебе страшно что ли? – почувствовав, что девушка дрожит, спросил Свободин.

– Нет, всё нормально, – ответила Горелова. – Просто как-то холодно стало, когда к двери подошла. Кстати, я хотела спросить у тебя одну вещь. Помнишь, ты в прошлый раз говорил, что однажды любил кого-то сильнее, чем меня? Так вот...

В этот момент Катя услышала, как Дмитрий захрапел. Очевидно, он очень устал. Хотя вплоть до загадочного стука в дверь он казался ей полным сил!

«Ладно, – с лёгкой грустью подумала Горелова, – пусть хотя бы он поспит».

Знав заранее, что уснуть ей не удастся, Катя решила почитать. Она аккуратно протянула руку над спящим Дмитрием, чтобы не разбудить его, взяла с тумбочки «Братьев Карамазовых» Достоевского [4, с. 286], открыла страницу с закладкой и продолжила чтение:

«Но спасёт бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращённый богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймёт и уступит ему с радостью, и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идёт. Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас».

И на этих строках произошло чудо: Катя на несколько секунд провалилась в сон! Она сама уже не верила, что с ней это однажды произойдёт! Конечно, сон оказался очень коротким, – но он всё же пришёл!

«Почему это случилось со мной именно на этих строках? – подумала Горелова, глядя на спавшего, словно младенец, Свободина. – Почему *они* усыпили меня? Или же...»

Было какое-то странное ощущение, что, прочитав эти строки Фёдора Михайловича, Екатерина, наоборот, *ненадол-*

го проснулась... И к ней пришли мысли о том, что здесь её смогут понять и простить, как нигде в другом месте. Впрочем, до самого утра Горелова так больше и не сомкнула глаз.

* * *

«Обратите внимание на кажущееся незнание, когда человек пытается, вследствие предрассудка, скрыть давно известное его сердцу. Получается извечная борьба, которая может отразиться на физическом теле. Невозможно безнаказанно отрицать то, что существо наше знает по всему прошлому опыту. Сколько глаз, наполненных мукою, можно встретить на пути? Не мала мука ссылать сознание во тьму. Не мала удручённость, когда энергия Огня употреблена против самой себя. Но часто мы, среди близких, видим, как скрывается древнее познание под слоем мёртвой шелухи боязни. Следует таких больных духом пожалеть».

Агни Йога. Мир Огненный. Часть первая. Шлока 596

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.